- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.10.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-255-259
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

КАСИХИН Лев Владимирович,
аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности,
e-mail: lev.kasihin@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *В статье исследуются основания и пределы правовой охраны результатов деятельности систем искусственного интеллекта. На основе формально-юридического и сравнительно-правового анализа разграничиваются авторство, принадлежность исключительных прав, отсутствие охраны и общественное достояние. Рассматриваются российское законодательство, практика по делам Thaler и DABUS, доклад Бюро авторского права США и обновленные подходы к установлению изобретательства. Сопоставляются аргументы о стимулировании инвестиций, раскрытии технических решений и сохранении доступа к знаниям. Обосновывается, что использование ИИ как инструмента не исключает охраны человеческого вклада, тогда как затраты на разработку системы сами по себе не порождают прав на каждый ее результат. Предлагается дифференцированное регулирование с учетом характера результата, вклада человека и доказанной потребности в дополнительных стимулах.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект; результаты интеллектуальной деятельности; авторство; авторское право; патентное право; общественное достояние; ноу-хау; инновации; исключительное право.*

Для цитирования: *Касихин Л. В. Теоретико-правовые предпосылки развития правового регулирования результатов деятельности систем искусственного интеллекта // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 255–259.*

KASIKHIN Lev Vladimirovich,
Postgraduate Student, Russian State Academy of Intellectual Property

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS FOR REGULATING OUTPUTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Annotation. *This article examines the grounds and limits of legal protection for outputs of artificial intelligence systems. Using doctrinal and comparative legal analysis, it distinguishes authorship, ownership of exclusive rights, the absence of protection, and the public domain. The study considers Russian legislation, the Thaler and DABUS cases, the US Copyright Office report, and updated approaches to determining inventorship. It compares arguments concerning investment incentives, disclosure of technical solutions, and access to knowledge. The article argues that using AI as a tool does not preclude protection of human contributions, whereas investment in developing a system does not, by itself, create rights in every output. It proposes differentiated regulation based on the nature of the output, human contribution, and an evidenced need for additional incentives.*

Key words: *artificial intelligence; intellectual creations; authorship; copyright; patent law; public domain; trade secrets; innovation; exclusive rights.*

For citation: *Kasikhin L. V. Theoretical and legal foundations for regulating outputs of artificial intelligence systems. Russian scientific bulletin. 2026;(11):255–259. (In Russ.).*

Введение

Правовой режим результатов деятельности систем искусственного интеллекта нельзя определить единым выбором между предоставлением исключительного права и свободным использованием. Текст, техническое решение и конфиденциальные сведения относятся к различным правовым категориям. Кроме того, использование одной и той же системы может сопровождаться как существенным творческим участием человека, так и получением результата, в котором такой вклад не установлен. Поэтому вопрос о предоставлении охраны требует предварительной квалификации объекта и обстоятельств его создания.

Авторство и правовая охрана в российском законодательстве

Исходное значение имеет различие между автором и обладателем исключительного права. Статья 1228 ГК РФ связывает авторство с творческим трудом гражданина; организационная, техническая или материальная помощь сама по себе не образует авторского вклада. Исключительное право может впоследствии перейти к иному лицу на предусмотренном законом основании. Поэтому затраты организации на разработку или приобретение ИИ не делают ее автором результата. Для приобретения исключительного права необходимо, чтобы охраняемый объект и основание возникновения либо перехода права действительно существовали [1].

Выражение «результат, созданный ИИ» недостаточно определенно для юридической квалификации. Следует выяснить, что именно сделал человек: разработал охраняемую форму, творчески переработал материал, определил композицию либо только сформулировал общую задачу. Творческий вклад может выражаться и в осмысленном отборе и расположении материалов, но его наличие устанавливается по конкретным обстоятельствам. Количество запросов и продолжительность работы не заменяют анализа того, какие человеческие решения получили выражение в итоговом объекте.

Отсутствие первоначальной авторской охраны также следует отличать от перехода произведения в общественное достояние. Статья 1282 ГК РФ связывает такой переход с прекращением действия исключительного права. Если охраняемое произведение не возникло вследствие отсутствия необходимого человеческого творчества, точнее говорить об отсутствии авторско-правовой охраны соответствующего материала, а не о прекращении ранее существовавшего права. Это разграничение важно и потому, что режим общественного достояния сохраняет охрану авторства, имени автора и неприкосновенности произведения [1].

В патентном праве необходимо отдельно оценивать личность изобретателя и патентоспособность технического решения. Статья 1347 ГК РФ признает автором изобретения гражданина, творческим трудом которого оно создано. Статья 1350 устанавливает требования новизны, изобретательского уровня и промышленной применимости. Соответствие технического решения этим требованиям не отменяет вопроса об авторстве, а применение ИИ в исследовании само по себе не доказывает отсутствие изобретателя-человека. Значение имеет его вклад в конкретное заявленное решение [1].

Развитие зарубежных подходов в 2025 и 2026 годах

В январе 2025 года Бюро авторского права США опубликовало часть II доклада Copyright and Artificial Intelligence. Ведомство разграничило полностью машинную генерацию и использование ИИ как инструмента человеческого творчества. Возможность охраны связывается, в частности, с человеческими выразительными элементами, творческими изменениями и расположением материала. Вывод о недостаточности одних лишь запросов сформулирован применительно к рассмотренным технологиям и не означает запрета на охрану любого произведения, при создании которого использовался ИИ. Доклад представляет позицию ведомства, а не законодательный акт [2].

В деле Thaler v. Perlmutter Апелляционный суд округа Колумбия 18 марта 2025 года подтвердил требование человеческого авторства в споре о регистрации изображения, заявленного как автономно созданное машиной. 2 марта 2026 года Верховный суд США отказал в принятии петиции о пересмотре. Этот отказ оставил решение нижестоящего суда в силе, но не является самостоятельным разрешением Верховным судом всех вопросов авторства при использовании ИИ. Существенно и то, что дело рассматривалось при заявленной заявителем автономности машинного создания [3].

В патентной сфере Верховный суд Великобритании в решении Thaler v. Comptroller-General от 20 декабря 2023 года исходил из того, что изобретателем по действующему закону должен быть человек. Владение системой DABUS само по себе не предоставило заявителю право на патенты на результаты, которые он приписывал исключительно машине. Суд разрешал вопросы толкования закона и оформления заявок; такой вывод нельзя подменять утверждением о технической неспособности ИИ участвовать в создании полезных решений [4].

Подход Европейского патентного ведомства получил дальнейшее развитие в решении T

0528/25 от 5 февраля 2026 года. Жалоба по выделенной заявке DABUS была отклонена. Указание заявителем самого себя в качестве изобретателя не устранило противоречия с сопроводительными пояснениями о самостоятельном создании решения машиной. Рассмотрение продолжило линию решений J 8/20 и J 9/20, согласно которой машинная система не может быть обозначена изобретателем в смысле Европейской патентной конвенции. При этом палата подтвердила принципиальную возможность указать человека изобретателем решения, разработанного с использованием ИИ; решающим в данном деле было противоречивое оформление заявления об изобретателе [5].

В ноябре 2025 года Патентное ведомство США объявило обновленные разъяснения об изобретательстве с применением ИИ, полностью заменив подход документа февраля 2024 года. Ведомство указало на применение обычного стандарта определения изобретателя независимо от использования ИИ; система рассматривается как инструмент, а изобретателем может быть физическое лицо. Поэтому ссылаться на прежний документ 2024 года как на актуальное руководство без учета его замены некорректно [6].

Таким образом, исходный вопрос уже не сводится к отсутствию какой-либо позиции судов и ведомств. В рассмотренных правопорядках проводится различие между участием ИИ в процессе создания и признанием самой системы автором или изобретателем. При этом критерии достаточности человеческого вклада остаются предметом конкретной оценки. Зарубежные акты полезны для сравнительного анализа, но не изменяют непосредственно содержание российского законодательства.

Экономическое обоснование охраны и его пределы

Аргумент о стимулировании разработчиков занимает центральное место в дискуссии о расширении охраны. Р. Эббott в работе I Think, Therefore I Invent связывал признание компьютерного изобретательства с поощрением создания систем, способных производить новые технические решения. Этот подход позволяет поставить вопрос о том, кому должна доставаться экономическая выгода от автоматизированного исследования. Однако предложенная в научной работе модель не тождественна последующим выводам судов и не описывает действующее правило об авторстве машин [7].

Предоставление исключительного права может повысить ожидаемую доходность проекта, но это еще не доказывает необходимости охранять каждый автоматически полученный результат. Инвестиции могут возмещаться через платный доступ к сервису, заказные исследования, поддержку и внедрение. Дополнительная охрана должна оцениваться по тому, создает ли она полезный стимул сверх уже доступных способов получения дохода. В настоящем исследовании такой эффект рассматривается как проверяемая гипотеза, а не как установленная универсальная закономерность.

Наряду с инвестиционными выгодами следует учитывать издержки для пользователей и последующих исследователей. Массовое появление исключительных прав на автоматически формируемые материалы может повысить расходы на проверку прав и лицензирование. Особенно существенны ситуации, когда разные лица независимо получают сходные результаты. Законодательное решение должно учитывать возможность независимого создания, пределы запрета и доказательства заимствования, иначе охрана способна затруднить именно ту инновационную деятельность, которую призвана поддерживать.

Патентная монополия не является единственным способом стимулирования исследований. М. Кремер и Х. Уильямс анализировали премии и предварительные обязательства по закупке новых продуктов как дополнения к существующим механизмам интеллектуальной собственности. Их работа посвящена общей политике стимулирования инноваций, а не доказательству обязательной охраны результатов ИИ. Применительно к рассматриваемой проблеме этот подход позволяет сравнивать исключительные права с грантами, конкурсным финансированием и вознаграждением за раскрытие общественно полезных решений [8].

Раскрытие результатов и охрана конфиденциальных сведений

Заслуживает поддержки положение о том, что отсутствие авторского права не обеспечивает фактического доступа к результату. Владелец вычислительной инфраструктуры может не публиковать полученные данные. Однако правовой режим секрета производства возникает не автоматически. Согласно статье 1465 ГК РФ необходимы коммерческая ценность сведений вследствие их неизвестности третьим лицам, отсутствие свободного законного доступа и разумные меры конфиденциальности. Поэтому нельзя утверждать, что любой неохраняемый машинный текст или изображение может быть объявлен ноу-хау с одинаковыми последствиями [1].

Охрана секрета производства отличается от запрета использования результата всеми третьими лицами. Пункт 2 статьи 1466 ГК РФ признает самостоятельное исключительное право за лицом, которое добросовестно и независимо получило соответствующие сведения. Следовательно,

сохранение результата в тайне не гарантирует единственности его обладателя. Эта особенность особенно значима при использовании сходных моделей и данных разными исследовательскими группами [1].

Патентная система действительно предусматривает раскрытие технического решения. Статья 1375 ГК РФ требует описания, достаточного для осуществления изобретения специалистом, а статья 1385 регулирует публикацию сведений о заявке и доступ к ее документам. Но из этого не следует, что любой отказ в патенте неизбежно ведет к сокрытию полезной информации. Выбор между патентованием, публикацией и конфиденциальностью зависит от характера решения и модели его коммерциализации [1].

Применительно к ИИ аргумент о раскрытии необходимо конкретизировать. Общественный интерес состоит в доступности воспроизводимого технического решения. Само описание использования нейросети, без раскрытия сущности заявленного решения, не обеспечивает этого интереса. В то же время требование раскрывать все параметры модели или весь обучающий массив не должно вводиться автоматически: объем необходимых сведений следует связывать с возможностью осуществить именно заявленное изобретение.

Ошибочно также связывать отсутствие прав на результат исключительно с использованием открытого программного обеспечения. Лицензия на программу, правовой режим модели и охраноспособность конкретного результата относятся к разным объектам. Открытость исходного кода сама по себе не переводит все результаты работы системы в общественное достояние. Необходимо отдельно учитывать человеческий вклад, условия соответствующих лицензий и возможное включение в результат охраняемых материалов третьих лиц.

Предпосылки дифференцированного регулирования

Развитие регулирования целесообразно начать с уточнения правил установления и доказывания человеческого вклада. Для литературных и художественных результатов следует оценивать творческие решения, выраженные в форме; для изобретений — вклад в заявленное техническое решение. История изменений, проектные материалы, экспериментальные записи и сведения об использованных инструментах могут помогать такой оценке. При этом сама документация процесса не должна создавать право при отсутствии требуемого законом основания.

Второе направление касается распределения имущественных интересов между разработчиком, пользователем, работодателем и заказчиком. Их соглашения могут определять доступ к результатам, конфиденциальность и передачу существующих прав. Однако договорное обещание предоставить исключительность не создает отсутствующего авторского или патентного права в отношении неопределенного круга лиц. Поэтому договорные условия должны различать гарантии исполнителя, ограничения использования сервиса и передачу прав на охраняемый объект.

Третье направление — проверка необходимости специальной охраны результатов без достаточного человеческого вклада. Если будет доказано, что существующие механизмы систематически не обеспечивают полезные исследования и раскрытие их результатов, можно обсуждать особое ограниченное имущественное право. Такое предложение относится к возможной законодательной реформе. Его введение не требует признания ИИ субъектом права или носителем личных неимущественных прав.

Для подобной модели необходимо заранее определить охраняемый объект, управомоченное лицо, срок, способы использования и исключения. Предпочтительно исследовать узкую защиту от прямого копирования с сохранением возможности независимого получения аналогичного результата. Самостоятельного обоснования требуют условия раскрытия и критерии вклада организатора. Простое распространение полного авторско-правового режима на все машинные результаты не позволяет учесть различия между видами объектов и затратами на их получение.

Наконец, новая охрана не должна устранять ответственность за использование чужих произведений или технических решений. Правомерность исходных материалов, наличие прав на результат и допустимость его последующего использования должны проверяться раздельно. Необходимость реформы следует оценивать по наблюдаемым последствиям: доступности знаний, условиям конкуренции, затратам на лицензирование и способности участников возмещать обоснованные расходы.

Заключение

Теоретической предпосылкой развития регулирования результатов ИИ является необходимость согласовать человеческое авторство, инвестиционные стимулы и общественный доступ. Действующее российское право связывает авторство с творческим трудом гражданина, а зарубежная практика 2025–2026 годов уточняет применение человеческого критерия при использовании новых технологий. Отсутствие авторской охраны не равнозначно фактической общедоступности материала, однако и инвестиции в систему не образуют автоматического права на каждый ее результат.

Представляется обоснованным дифференцированный подход: сохранять охрану доказанного человеческого вклада, использовать предусмотренные законом договорные и конфиденциальные режимы и обсуждать специальное право лишь при подтвержденной необходимости. Аргументы о стимулировании инноваций и раскрытии технических решений заслуживают учета, но требуют сопоставления с издержками исключительности. Прогноз о «творческой сингулярности» сам по себе не может заменить такое правовое и экономическое обоснование.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (ч. I). — Ст. 5496.

[2] U.S. Copyright Office. Copyright and Artificial Intelligence. Part 2: Copyrightability. January 2025. P. 18–27, 41. Доклад: https://www.copyright.gov/ai/ (дата обращения: 11.10.2026).

[3] Thaler v. Perlmutter. No. 23-5233. U.S. Court of Appeals for the D.C. Circuit. 18.03.2025; Supreme Court of the United States. No. 25-449. Petition denied 02.03.2026. Решение и движение дела: https://www.supremecourt.gov/search.aspx?filename=/docket/docketfiles/html/public/25-449.html (дата обращения: 11.10.2026).

[4] Thaler v. Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks [2023] UKSC 49. 20.12.2023. URL: https://supremecourt.uk/cases/uksc-2021-0201 (дата обращения: 11.10.2026).

[5] European Patent Office. T 0528/25 (Designation of inventor/DABUS). Decision of 05.02.2026. URL: https://www.epo.org/en/boards-of-appeal/decisions/t250528eu1 (дата обращения: 11.10.2026). См. также J 8/20 и J 9/20 от 21.12.2021, на которые ссылается решение.

[6] USPTO. Revised inventorship guidance for AI-assisted inventions. Официальное сообщение от 26.11.2025. URL: https://www.uspto.gov/subscription-center/2025/revised-inventorship-guidance-ai-assisted-inventions (дата обращения: 11.10.2026).

[7] Abbott R. I Think, Therefore I Invent: Creative Computers and the Future of Patent Law // Boston College Law Review. 2016. Vol. 57. No. 4. P. 1079–1126. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2727884 (дата обращения: 11.10.2026).

[8] Kremer M., Williams H. Incentivizing Innovation: Adding to the Tool Kit // Innovation Policy and the Economy. 2010. Vol. 10. P. 1–17. DOI: 10.1086/605851. URL: https://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/605851 (дата обращения: 11.10.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part four): Federal Law of 18.12.2006 No. 230-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. - No. 52 (part I). - Art. 5496.

[2] U.S. Copyright Office. Copyright and Artificial Intelligence. Part 2: Copyrightability. January 2025. P. 18–27, 41. Report: https://www.copyright.gov/ai/ (Accessed: 11.10.2026).

[3] Thaler v. Perlmutter. No. 23-5233. U.S. Court of Appeals for the D.C. Circuit. 18.03.2025; Supreme Court of the United States. No. 25-449. Petition denied 02.03.2026. Decision and motion of the case: https://www.supremecourt.gov/search.aspx?filename =/docket/docketfiles/html/public/25-449.html (date of appeal: 11.10.2026).

[4] Thaler v. Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks [2023] UKSC 49. 20.12.2023 URL: https://supremecourt.uk/cases/uksc-2021-0201 (accessed on: 11.10.2026).

[5] European Patent Office. T 0528/25 (Designation of inventor/DABUS). Decision of 05.02.2026. URL: https://www.epo.org/en/boards-of-appeal/decisions/t250528eu1 (access date: 11.10.2026). See also J 8/20 and J 9/20 of the 21.12.2021 referred to in the decision.

[6] USPTO. Revised inventorship guidance for AI-assisted inventions. Official message from 26.11.2025. URL: https://www.uspto.gov/subscription-center/2025/revised-inventorship-guidance-ai-assisted-inventions (accessed on: 11.10.2026).

[7] Abbott R. I Think, Therefore I Invent: Creative Computers and the Future of Patent Law // Boston College Law Review. 2016. Vol. 57. No. 4. P. 1079–1126. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2727884 (access date: 11.10.2026).

[8] Kremer M., Williams H. Incentivizing Innovation: Adding to the Tool Kit // Innovation Policy and the Economy. 2010. Vol. 10. P. 1–17. DOI: 10.1086/605851. URL: https://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/605851 (access date: 11.10.2026).